

Литературное обозрѣніе.

Замѣтки читателя.

Современный герой.

Въ настоящее время въ русской литературѣ царствуетъ образцовая «тишь да гладь». Мы переживаемъ, повидимому, исключительно счастливую эпоху, когда «писатели пописываютъ, а читатели почитываютъ». И совершаются эти процессы необыкновенно спокойно и смирно. Карлейль, характеризуя одного когда-то весьма популярнаго англійскаго романиста, утверждалъ, что читатели произведеній этого автора должны наслаждаться его талантомъ непремѣнно лежа на диванѣ... До такой степени усладительно и комфортабельно его творчество: оно не поднимаетъ у читателя надоедливыхъ, трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ, не волнуетъ его крови и будто дѣтскою пѣсней баюкаетъ его нервы... Можно читать и не читать, можно закрыть книгу на какомъ угодно мѣстѣ, — и погрузиться въ сладостную истому...

Вотъ такая картина невольнаго воспоминается, когда подумаешь о современныхъ читателяхъ и современной литературѣ. Это будто молчаливый сговоръ авторовъ и публики взаимно охранять душевное спокойствіе другъ друга и художественныя удовольствія превращать въ самыя безобидныя, едва замѣтныя, будничные процессы. И мы присутствуемъ при самомъ умилительномъ зрѣлищѣ. Авторы пишутъ, какъ и всегда писали, — много и аккуратно, — но на душѣ у нихъ должно быть необыкновенно ясно и спокойно. Читатель, лежащій на диванѣ, не

особенно придирчивъ. Если чтеніе болѣе или менѣе интересно, занимательно въ чисто внѣшнемъ смыслѣ — онъ вполне доволенъ. Идеи, вопросы — это все давно забытыя вещи и самое лучшее, если писатель не станетъ вызывать ихъ изъ мрака забвенія. Читателемъ овладѣетъ скука, недовольство, нравственное томленіе, — и писатель рискуетъ понасть въ рядъ смѣшныхъ донъ-кихотовъ...

Предъ его глазами ежедневно вырабатывается и совершенствуется самый современный типъ литературы. Газеты наполняютъ фельетоны романами, повѣстями, вообще всѣмъ, что принято считать художественной литературой. И наполняютъ весьма удачно — съ практической точки зрѣнія. Определенное число строкъ — и эффектный пассажъ, драматическая сцена, появленіе интереснаго незнакомца. Каждый разъ непременно нѣсколько капель крѣпкаго наркотическаго вещества для возбужденія полусоннаго читателя. Что выйдетъ въ результатъ всѣхъ этихъ упражненій — никому нѣтъ дѣла. Вѣдь чтеніе — только процессъ, безъ определенной цѣли и какихъ бы то ни было серьезныхъ намѣреній. Иной привыкъ выкуривать въ день определенное число папирозъ, — отчего же съ такою же легкостью не привыкнуть прочитывать ежедневно нѣсколько строкъ или страницъ литературы? Все-таки этимъ вносится извѣстное разнообразіе въ тѣ часы, когда лежишь на диванѣ, и можно даже составить убѣжденіе, что занимаешься умственнымъ трудомъ, слѣдишь за литературой. При случаѣ, можно даже по-

бесѣдовать на литературную тему, — также спокойно, ровно, отчасти даже пренебрежительно-равнодушно... Въ результатъ—репутация человека просвѣщеннаго, «идущаго съ вѣкомъ навѣтъ» спасена и при этомъ не принесено въ жертву ни единой минуты душевнаго спокойствія, не потревожена не единая капля драгоценной крови.

Отношеніе публики къ литературѣ несравненно важнѣе, чѣмъ положеніе самой литературы, — уже потому, что это положеніе въ сущности само по себѣ никогда не бываетъ ни особенно жалкимъ, ни безнадежнымъ. Талантливые писатели всегда имѣются на лицо. Разговоры о запустѣннѣ художественной нивы, о полномъ паденіи художественнаго творчества—праздные разговоры. Нельзя указать времени, когда бы эти разговоры не слышались одновременно въ печати и въ обществѣ.

Когда Пушкинъ создавалъ свои величайшія произведенія—«Бориса Годунова» и «Евгенія Онегина»—русские читатели тосковали объ отсутствіи литературныхъ талантовъ и громко, съ полнымъ убѣжденіемъ заявляли, что былъ Пушкинъ, написавшій такіа прелестныя вещи, какъ «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Кавказскій пленникъ» и не стало Пушкина: нельзя же серьезно относиться къ такимъ вещамъ, какъ «Евгеній Онегинъ»!..

Съ такою же горестію жаловались на упадокъ литературы и позже, даже въ эпоху Тургенева, откровенно совѣтовали великому художнику—не писать, не беспокоить публику своими ни на что негодными упражненіями. Намъ странно вѣрить, а между тѣмъ такого рода совѣты—фактъ, увѣковѣченный исторіей русской литературы.

Слѣдовательно, толки объ оскудѣннѣ талантовъ не имѣютъ серьезнаго значенія. Это вѣрно и относительно нашего времени, въ особенности относительно русской литературы. Стоитъ сравнить хотя бы нашу журнальную беллетристику съ заграничной, — чтобы утратить мрачное настроеніе и перестать толковать о художествѣ, будто бы угнетающемъ современное русское искусство.

Дѣло не въ томъ. Мы говоримъ о запросахъ современныхъ читателей, о настроеніи, съ какимъ они приступаютъ къ литературѣ, о томъ, чего они ищутъ въ ней. Существенная часть вопроса о положеніи современной литературы кроется именно здѣсь. Когда-то было иначе, — и общая картина литературнаго движенія въ нашемъ отечествѣ производила совершенно другое впечатлѣніе. Въ такіа времена русской публикѣ завидовали издалика, завидовали люди, видѣвшіе у себя блестящее вѣковое развитіе искусства.

Не особенно давно пзвѣстный французскій критикъ — Мельхіоръ Вогюэ — сравнивалъ

нравственное значеніе литературы въ Россіи и заграничье и результатъ сравненія оказывался для насъ въ высшей степени лестнымъ.

Вогюэ говоритъ о славѣ Тургенева во Франціи и откровенно сознается, на чемъ собственно была основана эта слава среди современной французской публики. «Мы требовали отъ его творчества», пишетъ критикъ, «лишь того, что требуемъ вообще отъ всякаго произведенія искусства, при томъ состояніи цивилизаціи, до котораго мы дошли, т. е. пріятнаго, утонченнаго времяпрепровожденія, отвлеченія отъ насущныхъ интересовъ жизни, впечатлѣнія мимолетнаго и поверхностнаго; мы читаемъ книги такъ, какъ прохожій любитъ на картину, выставленную въ окнѣ магазина, мимоходомъ, однимъ глазомъ, снѣша по своимъ дѣламъ».

Такъ, по мнѣнію Вогюэ, относятся къ литературѣ и искусству въ культурнѣйшей странѣ Европы. И факты, дѣйствительно, съ поразительнымъ краснорѣчіемъ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Вспомните хотя бы натуральные романы. Темы ихъ весьма часто удручающаго свойства. Авторы изображаютъ въ самыхъ откровенныхъ образахъ и сценахъ бѣдствія современной общественной жизни, бѣдоту, страданія обдѣленныхъ и слабыхъ. Все это, повидимому, должно бы производить на читателей сильное и благотворное впечатлѣніе. Должны бы даже обнаруживаться и практическіе результаты такихъ смѣлыхъ, вопіющихъ картинъ...

На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго. Натуральные романы съ большою охотой раскупаются и пересчитываются именно той публикой, какая, на первый взглядъ, болѣе всего должна бы обеспокоиться въ виду разоблаченій новѣйшей литературы. Буржуа—горячіе поклонники натуральныхъ романовъ, и эти романы отнюдь не разстраиваютъ пищеваренія у того самаго эксплуататора, который можетъ видѣть свое отраженіе въ томъ или другомъ литературномъ типѣ. Это, дѣйствительно, чтеніе мимоходомъ, для комфортабельнаго наполненія нѣсколькихъ часовъ, остающихся у дѣльца послѣ тѣхъ самыхъ подвиговъ, какіе подвергаются жесточайшей критикѣ въ модной книгѣ. Критика скользитъ по поверхности толстокожаго общественнаго животнаго и онъ даже чувствуетъ истинное удовольствіе при мысли, что его особой занимаются литераторы. А какъ занимаются и съ какою цѣлью—для него безразлично, потому что въ его глазахъ литература не можетъ имѣть никакихъ серьезныхъ цѣлей.

Такой читатель рисуется французскому критику на его родинѣ. Совершенно иначе представляется ему русская публика.

«А еслибъ вы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ, въ Россіи!» — восклицаетъ Вогюэ. — «Что для насъ не болѣе какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ составляетъ насущный

дѣло для души. Это золотой вѣкъ для великой литературы, тотъ золотой вѣкъ, который она переживала у всѣхъ юныхъ народовъ — въ Азіи, въ Греціи, въ средніе вѣка. Писатель — вождь своего племени, вмѣститель множества смутныхъ идей, отчасти даже создатель своего родного языка; поэтъ — въ древнемъ и полномъ смыслѣ этого слова, *vates*, поэтъ, пророкъ».

Настроеніе читателей при такихъ условіяхъ, въ такіе періоды совершенно другое, чѣмъ въ наше время. Они читаютъ литературныя произведенія, какъ нравственные руководства. Они глубоко убѣждены въ могущество челоуѣческаго генія, они вѣрятъ, что любимый писатель скажетъ имъ таинственное могучее слово, способное разрѣшить всѣ житѣйскіе вопросы и затрудненія. Для нихъ писатель — вождь, его книги — неисчерпаемый источникъ идей. Читатели непременно ищутъ здѣсь извѣстной доктрины, извѣстнаго міросозерцанія, ищутъ идеаловъ, которые бы освѣтили ихъ жизненный путь. Они съ трепетнымъ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ откровеній писателя, они подвергаютъ разностороннему толкованію каждую его строчку, каждое его слово. Образы, имъ созданные, становятся моментами ихъ личнаго опыта и духовнаго развитія...

Тургеневъ рассказывалъ, какъ ему удалось слышать разговоръ крестьянъ, проходившихъ мимо памятника Пушкина. Одинъ изъ нихъ высказалъ догадку: «это — памятникъ учителю». Догадка была высказана случайно. Крестьянинъ не читалъ произведеній поэта, — во въ этихъ наивныхъ словахъ заключена глубокая истина, сказалось безсознательно идеальное воззрѣніе на дѣятельность писателя. Кому же и ставить памятники, какъ не наставникамъ и умственнымъ руководителямъ родного народа!..

И здѣсь талантъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Важенъ смыслъ художественной дѣятельности, стремленія писателя, его тѣсная связь съ жизнью своего народа, съ надеждами и чаяніями общества. Рѣдкій читатель способенъ проникнуть въ художественныя совершенства поэтическаго созданія, оцѣнить изящество формы, яркую жизненность и пластичность образовъ. Для этого надо обладать особымъ чувствомъ — эстетическимъ, исключительнымъ чутьемъ на художественныя красоты. Но зато — идеи, воззрѣнія автора будутъ строго взвѣшены. Именно они отвѣчаютъ на жгучую духовную жажду читателя.

Это — не фантастическая картина. Такія явленія дѣйствительно происходили въ русской литературѣ, и восторги иностраннаго наблюдателя совершенно основательны. Одно только пожеланіе отдѣляетъ насъ отъ этой «золотой эпохи».

Да, одно пожеланіе, — и какая страшная пережѣна! Попробуйте отыскать въ современной русской публикѣ читателей, вызвавшихъ разсуж-

денія Вогюэ о нравственной свѣжести, объ идеальныхъ запросахъ, о серьезнѣйшемъ отношеніи къ искусству... Все это — преданія старины, и Вогюэ отказался бы отъ своего эффектнаго сравненія отечественной публики съ русскою. Онъ призналъ бы, что и мы перешли въ тотъ «зрѣлый» періодъ цивилизаціи, когда литературой интересуются мимоходомъ, между дѣломъ, когда на писателя смотрятъ, какъ на забавника, на занятаго собесѣдника въ минуты праздности и отдыха отъ настоящаго дѣла.

Вспомнимъ недавнее прошлое. Съ тѣхъ поръ прошло всего тридцать лѣтъ. Оно на памяти у многихъ нашихъ современниковъ, — и каковы страннымъ, едва вѣроятнымъ оно должно казаться имъ!

Вышелъ романъ «Отцы и дѣти»... Для русскаго общества это оказалось потрясающимъ событіемъ. Люди, не бравшіе въ руки книги со школьной скамьи, вынуждены прочесть — *романъ*. И никто не остался равнодушнымъ, безучастнымъ къ идеямъ и намѣреніямъ автора. Каждый читатель искалъ отвѣта на свою личную тоску, стремился авторитетомъ писателя оправдать то или другое отношеніе къ современной жизни.

Одинъ генералъ велъ такую бесѣду съ своими знакомыми: «признаюсь, — я эту дребедень, называемую повѣстями и романами, — не читаю. Но куда ни придеши — только и разговоровъ, что объ этой книжкѣ... Стыдятся, угавариваютъ прочитать... Дѣлать нечего — прочитать»...

Прочиталъ, — и остался въ восторгѣ отъ автора, хотя совершенно превратно истолковалъ его произведеніе.

На всемъ пространствѣ Россіи не осталось, повидимому, ни одного интеллигентнаго семейства, гдѣ бы не обсуждалось множество вопросовъ, невольно возникшихъ по поводу романа.

Журналы были переполнены полемическими статьями. Въ полемику втянули самого автора. Онъ принужденъ былъ разъяснять свой романъ, излагать психологію своихъ героев... Сколько разнообразнѣйшихъ идей высказано, сколько затронуто сторонъ русскаго прошлаго и русскою дѣйствительности! И все по поводу — *романа*.

Намъ трудно представить всю горячность споровъ, все обиліе поднятыхъ вопросовъ, всю глубину и силу впечатлѣній, вызванныхъ литературнымъ явленіемъ. Нульсъ общественной жизни былъ могучимъ тактомъ, — и одно воспоминаніе объ этой эпохѣ искренняго оживленія — въ литературѣ и въ публикѣ — кажется еще больше сгущаетъ сѣрую атмосферу переживаемаго нами затишья.

Что же собственно волновало страсти и вызывало подчасъ самыя странныя соображенія на счетъ авторскихъ цѣлей и идей?

Не романъ, какъ бы талантливо и художественно онъ ни былъ выполненъ, не сама исто-

рія, рассказанная съ такимъ искусствомъ, однимъ словомъ — не та сторона произведенія, которая навсегда останется лучшимъ достояніемъ русской литературы. Интересъ читателей и критиковъ сосредоточился исключительно на одномъ *герое* романа, на *одной личности*. Ради нея забыли о цѣломъ, забыли о неподражаемомъ искусствѣ автора, забыли о всей его литературной дѣятельности. Одинъ образъ, созданный имъ, поглотилъ все общественное вниманіе.

Были подвергнуты тщательному изслѣдованію мельчайшія подробности, характеризующія героя, взвѣшено каждое его слово, каждое его дѣйствіе. Происходилъ въ полномъ смыслѣ судъ, непосредственно отражавшійся на самомъ авторѣ, — судъ безошадный, часто жестокий, и всегда придиричивый.

Совершался именно тотъ процессъ, какой описанъ французскимъ критикомъ.

Читатели во что бы то ни стало рѣшили добиться опредѣленнаго представленія насчетъ *доктрины, міросозерцанія* автора. Они никакъ не могли помириться съ однимъ фактомъ: романъ интересенъ самъ по себѣ, представляетъ прекрасный матеріалъ для чтенія. Нѣтъ. Читателю нужно было открыть *смыслъ* произведенія. Онъ заранѣе былъ убѣжденъ, что романъ не можетъ возникнуть случайно, безъ опредѣленной цѣли. Напротивъ, не только существуетъ цѣль, но авторъ непременно имѣетъ въ виду сообщить публикѣ новую руководящую идею, дать новый лозунгъ для личной и общественной жизни. Что же это за идея?..

И въ результатѣ — нескончаемые анатомическіе опыты надъ героемъ романа. Именно его личность въ глазахъ читателей являлась отвѣтомъ на всѣ вопросы, на ней отражались во всей полнотѣ авторскія воззрѣнія. Былъ тщательно разобранъ каждый шагъ героя и каждый намекъ автора. Рѣдко люди съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ слѣдили и слѣдятъ за реальной личностью. Созданіе художника силой своего вліянія на умы превзошло всякую дѣйствительность. И это впечатлѣніе осталось на долгіе годы. Оно, повидимому, обладаетъ даже свойствомъ по временамъ оживать съ былой свѣжестью и съ былою мощью волновать страсти...

Въ чемъ же смыслъ и разгадка этого изумительнаго для насъ факта?

У людей — все равно на какой бы высотѣ культурнаго развитія они ни стояли, какія бы убѣжденія ни исповѣдывали — есть одно непреодолимое влеченіе — къ *личности*, мы хотимъ сказать — интересъ выдающейся, исключительной личностью. Въ самыхъ демократическихъ обществахъ этотъ интересъ живучъ и распространенъ не менѣе, чѣмъ во всякой другой средѣ.

Афиняне — въ періодъ высшаго расцвѣта республиканской свободы и общественной самодѣятельности — создаютъ Перикла и цѣлый рядъ менѣе замѣчательныхъ *личностей*, но непременно *личностей*, гражданъ, выдѣляющихся изъ общества, одаренныхъ рѣзкими индивидуальными отличіями.

Культъ личности — настоящая стихія человѣческой природы. Борьба съ нею безцѣльна и прямо невозможна. Увлеченіе личной силой, личными талантами, часто даже личнымъ счастьемъ — своего рода инстинктъ человѣка, будь тотъ человѣкъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ независимъ, обладай сильной критической мыслью и развитымъ чувствомъ свободы. Недаромъ интересъ высшаго рода художественнаго творчества — драмы — всецѣло *личный, героическій*. Безъ личности нѣтъ драмы, другими словами — нѣтъ захватывающаго психологическаго и даже вѣшняго интереса. Личность — центръ, нравственное солнце, вокругъ котораго вращаются событія и второстепенныя лица.

Это вѣрно не только относительно драмы. Припомните, — всѣ наиболѣе оживленные періоды литературы непременно отмѣчены появленіемъ на сценѣ искусства *личностей, натуръ*. Это они сосредоточиваютъ на себѣ всеобщее вниманіе, они возбуждаютъ безконечные споры, дѣлаютъ общество и критику на партіи — и становятся своего рода девизами новыхъ эпохъ.

Исторію литературы можно составить изъ отдѣльных характеристикъ, изъ біографій героевъ, появлявшихся одинъ за другимъ, — и исторія будетъ очень точная — не только — литературы, но и самаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите такія обозначенія — *Евгений Онегинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ*. Развѣ съ каждымъ именемъ предъ вами не встаютъ съ поразительной яркостью цѣлыя эпохи — одна за другой — со всѣми подробностями: идеи, чувства, костюмы, общественная и будничная жизнь, — все это объединяется въ нашемъ представленіи тѣмъ или другимъ именемъ.

Самый точный и серьезный историкъ не можетъ обойтись безъ этихъ именъ, и его изслѣдованіе выиграетъ въ полнотѣ и живости красокъ ровно настолько, насколько онъ сумѣетъ собрать и изложить бытовые и нравственные черты — личности и общества, скрытыя за каждымъ изъ названныхъ героевъ.

Современники всегда чувствуютъ глубокій смыслъ художественной личности, создаваемой поэтомъ, — чувствуютъ невольно, часто не отдавая отчета въ талантливости созданія, нерѣдко отрицая ее. Этотъ фактъ особенно любопытенъ. Произведеніе въ цѣломъ возбуждаетъ множество нареканій, прямо не признается, — но герой продолжаетъ «жечь сердца» — тѣмъ

или другимъ чувствомъ, возбуждаетъ восторги, сочувственныя подражанія или гнѣвъ и насмѣшки. Какъ бы то ни было общество не въ силахъ отнестись равнодушно къ личности, воплощенной въ художественномъ образѣ, и будто по мановенію волшебной власти собираетъ ся вокругъ нея, какъ фокуса.

Надолго герой остается злобой дня, возбуждаетъ мысль даже у людей, при иныхъ условіяхъ совершенно равнодушныхъ къ общимъ вопросамъ.

Личность берется художникомъ, конечно, изъ той самой дѣйствительности, которая отлично знакома громадному большинству читателей. Можетъ быть иной читатель встрѣтилъ не одинъ прототипъ героя раньше чѣмъ прочесть романъ. И все-таки онъ прошелъ мимо, не почувствовалъ и малой доли того интереса, какой удалось возбудить поэту воплощеніемъ всѣмъ извѣстнаго типа. Воплощеніе вдругъ всѣмъ кажется ослѣпительною новостью и въ то же время чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ. Соединеніе этихъ впечатлѣній и даетъ въ результатѣ могучее чувство интереса, охватывающее публику. Она только подъ вліяніемъ художественнаго типа начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ окружающихъ явленіяхъ, вдумываться въ современныхъ людей, присматриваться къ мелкимъ житейскимъ фактамъ, придающимъ извѣстную окраску эпохѣ и дѣйствующему поколѣнію. Здѣсь громадное культурное значеніе литературы. Она сосредоточиваетъ мысль общества на существенныхъ чертахъ переживаемой дѣйствительности и воспитываетъ вѣрный здравый взглядъ на современныхъ «жертвъ и героев». Она становится, слѣдовательно, источникомъ общественнаго самосознанія.

Процессъ этотъ совершается не безъ болѣзненныхъ симптомовъ, и эти симптомы въ свою очередь свидѣтельствуютъ, какъ глубоко возбуждено общество извѣстнымъ фактомъ литературы.

Когда появился романъ Тургенева, — нѣкоторыхъ добродушныхъ и слишкомъ пугливыхъ читателей, плохо разобравшихъ въ чемъ дѣло, охватилъ настоящій паническій страхъ. Рассказываютъ, напримѣръ, про чиновницу-старуху, заподозрившую своего мужа-старика въ нигилизмъ, потому что онъ по старости лѣтъ не захотѣлъ дѣлать праздничныхъ визитовъ начальству. Въ результатѣ старуха выгнала изъ дома своего племянника-студента, очевидно, увидѣвъ въ немъ источникъ заразы для своего супруга.

Не явился романъ, не запечатлѣлъ великій художникъ общественнаго явленія неизгладимыми чертами, — семейный міръ чиновницы, навѣрное, не былъ бы нарушенъ. Бурное теченіе идей, вызванное романомъ, захватило своими волнами и темные углы, куда десятки лѣтъ не

проникали никакіе вопросы и тревоги, помимо будничныхъ дразгъ.

И опять предъ нами все тотъ же герой. Это его личность мерещится и другимъ и недругамъ, проникая въ глубочайшіе слои общества.

Весь смыслъ факта, слѣдовательно, заключается въ томъ, что авторъ создалъ личность, героя, олицетворяющаго молодое поколѣніе, создалъ нѣчто сильное, оригинальное, яркое. И люди, по непреодолимому врожденному чувству, устремились къ этому созданію и стали вкривъ и вкосъ судить его и его создателя.

Такъ было и раньше. Такая же участь постигла и другихъ героевъ, хотя шуму и споровъ было гораздо меньше: это исключительно зависѣло отъ количества читающей и критикующей публики. Въ шестидесятыхъ годахъ такой публики стало несравненно больше, чѣмъ было тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, — и естественно на долю Онѣгина и Печорина выпало меньше привѣтствій и меньше порицаній, чѣмъ на долю Базарова.

Мы сказали, что интересъ тургеневскимъ героемъ длился многіе годы. И это понятно. Въ нашей литературѣ это былъ послѣдній герой, мы хотимъ сказать — послѣдняя художественно воплощенная личность, послѣдняя богато-одаренная оригинальная натура. Но публика не хотѣла этому вѣрить и никакъ этого не ожидала.

Дѣйствительно, въ нашей литературѣ личности правильно смѣняли одна другую, герои непрерывнымъ рядомъ слѣдовали одинъ за другимъ. Можно сказать, интересъ читателей къ одному типу не успѣвалъ охладѣть, — появлялся другой типъ, еще болѣе любопытный, вызывающій еще больше идей и соображеній.

И вдругъ этотъ порядокъ рѣзко нарушается. Почему?.. Фактъ вполне опредѣляется еще при жизни гениальнаго художника, онъ ясенъ писателю, но публика продолжаетъ требовать новой личности, новаго героя. Она чувствуетъ будто пустоту въ отсутствіи новаго типа. Ее томить литература, посвященная исключительно массѣ, толпѣ. Ей нуженъ яркій образъ, который бы снова раскрылъ ей отличительныя черты современнаго общества и далъ бы руководящую нить.

Но такого образа нѣтъ, и авторъ говоритъ, что его и не дожидаться.

Въ семидесятыхъ годахъ къ Тургеневу обратилась съ запросомъ одна дама. Запросъ выражалъ только что указанную тоску русскаго общества.

Что же отвѣтилъ Тургеневъ?

«Влестящихъ натуръ», писалъ онъ, — въ литературѣ, вѣроятно, не проявится». — И не проявится потому, что такихъ натуръ нѣтъ и не будетъ больше въ дѣйствительности. Эпо-

ха интересных, увлекательных личностей миновала и больше не вернется. Это — печальный приговор, — но въ справедливости его увѣренъ одинъ изъ лучшихъ наблюдателей нашей жизни.

«Времена перемѣнились», продолжаетъ Тургеневъ... «Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума — ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго. Нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно уметь жертвовать собою безъ всякаго блеска и треска, нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы — я беру слово: жизненной — въ смыслъ простоты, безхитростности, *terre à terre'a*. Что можетъ быть, напримѣръ жизненнѣе, какъ учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ — тутъ даже о призваніи говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова — вотъ все, что нужно».

Здѣсь — цѣлая программа новой общественной дѣятельности, скромной на видъ, но по замыслу писателя, въ высшей степени достойной и плодотворной. Но авторъ особенно настаиваетъ на полной будничности, ординарности, прозаичномъ характерѣ этой дѣятельности. Трудъ — дѣло скромное и отнюдь не эффектное. «Смѣшно толковать», пишетъ Тургеневъ, «о герояхъ или художникахъ труда». Смѣшно, поэтому, жить надеждой на энтузіазмъ, на увлеченье.

Наступаетъ царство «сѣренькой среды», царство *только полезныхъ* людей. А *красивыхъ, талантливыхъ* среди такихъ людей очень мало.

И такой строй будетъ длиться долго. До другого времени не надѣялся дожить авторъ, хотя вдали и не отказывался рисовать увлекательную перспективу, предсказывая появленіе «крупныхъ, оригинальныхъ личностей».

Тургеневъ видѣлъ это въ отдаленномъ будущемъ, а пока его раздражали потуги современной молодежи на героизмъ, на исключительное призваніе, на эффектную героическую дѣятельность. Онъ не видѣлъ нравственной силы, развитой умственной дѣятельности, основательныхъ *широкихъ* знаній, выдающагося дарованія, — а при такихъ условіяхъ стремленіе юноши изобразить изъ себя героя заслуживало только сожалѣнія. И мало отрадныхъ чувствъ возбуждало у писателя поколѣніе, составлявшее такихъ героев...

Со времени письма Тургенева прошло около двадцати лѣтъ, но идеѣ, здѣсь высказанная, оказались роковыми для русской литературы. «Блестящихъ натуръ» она не создала и врядъ

ли создать въ ближайшемъ будущемъ. Тургеневъ надолго далъ характеристику русскому художественному творчеству, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, не подозревая даже всего значенія своего предсказанія, опредѣлилъ общественную роль литературы и настроеніе публики.

Мы видѣли, что исключительный идейный интересъ общества литературой всегда вызывался появленіемъ той или другой «блестящей натуры»; изображенія «сѣренькой среды» — какъ бы они ни были талантливы и реальны — проходили сравнительно незамѣтно. Они, въ высшей степени полезны для общества: благодаря имъ оно узнаетъ, при какихъ условіяхъ совершается жизнь всевозможныхъ тружениковъ и какія лишенія царятъ рядомъ съ невозмутимымъ счастьемъ. Такая литература — истинное гражданское служеніе. Но ей никогда не зажечь сердце такимъ огнемъ, какой мгновенно вызывается художественно-созданной *натурой*, воплощающей въ себѣ цѣлое направленіе общественной жизни. Послѣ романовъ Тургенева и даже одновременно съ этими романами русская публика прочла не мало истинно-художественныхъ произведеній, но ни одно изъ нихъ даже отдаленно не напомнило бурныхъ и глубокихъ впечатлѣній, вызванныхъ однимъ героемъ Тургенева... Естественно было послѣ всей этой литературы ощутить своего рода эстетическую тоску и нравственную пустоту...

Постепенно эти ощущенія улеглись, «сѣренькая среда» водворилась невозбранно въ литературѣ, — и въ результатѣ читатели утратили всякое нервное возбужденіе, опустились, усвоили способность — спокойно, почти безстрастно и равнодушно относиться къ литературѣ. Она вошла въ кругъ будничныхъ, едва замѣтныхъ отправленій, она проходитъ среди публики смиренной, давно примелькавшейся гостьей. Она не возбуждаетъ страстей и не вызываетъ умственной дѣятельности. Когда то она заполняла собою лучшія парадныя комнаты, теперь ей отведенъ уголъ и только особенные любители уединяются сюда — для бесѣды съ новой сандрильоной...

Кому теперь придется на умъ заявить, что современный писатель — пророкъ, *voies* своихъ читателей, умственный вожь? Такое заявленіе немедленно вызвало бы общій смѣхъ. На всякаго, дерзнувшаго это высказать, посмотрѣли бы какъ на выходца изъ другого міра, какъ на челоѣка съ луны. Хороши вожди, чьи произведенія публика читаетъ лежа на диванахъ и всегда готова промѣнять какой угодно романъ на безпардонную, чаще всего безтолковую и пошлую болтовню газетнаго борзописца. Какой вопросъ можетъ быть здѣсь объ идеяхъ, о міросозерцаніи? Если все это и есть у автора — читатели не замѣтятъ, не

захотятъ замѣтить. Читаютъ же современные герои «Жерминаль», «Деньги», «Борьбу за существованіе» и преспокойно продолжаютъ вести самую дикую и варварскую войну съ основными требованіями справедливости и гуманнаго чувства.

Писатель больше не жжетъ сердца, о чемъ мечтали авторы недавняго прошлаго. Достаточно, если сотни печатныхъ страницъ кое-какъ пробѣгаются снисходительной публикой и она «между дѣломъ» и карточной игрой благоволитъ вставить словечко о томъ или другомъ произведеніи. Это уже популярность, если читатели въ минуту праздности и послѣобѣденной болтовни бросаютъ благосклонное слово по адресу писателя. Самый сѣрый, ничтожный, шаблонный до послѣдняго пера современный «умный человѣкъ» — чувствуетъ себя меценатомъ, своего рода рѣшителемъ судебъ, когда дѣло зайдетъ о литературѣ.

Его могутъ привести въ безысходное смущеніе какія угодно служебныя дразни, самая обыкновенная канцелярская бумага. Онъ едва найдетъ у себя умѣнья — толково отвѣтить на самый простой запросъ, но заговорите съ нимъ о литературѣ и на лицѣ запуганнаго созданья, вертящагося всю жизнь на одномъ мѣстѣ, вдругъ появляется самоувѣренное, даже проническое выраженіе. Здѣсь онъ хозяинъ и взрослый человѣкъ. И никому это не кажется страннымъ. Такой ужъ предметъ литература: достаточно быть грамотнымъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія...

И такъ идетъ годъ за годомъ. Былой источникъ живыхъ идей, энергической общественной мысли кое-какъ пробирается сторонкой, проселочными путями среди современныхъ поколѣній.

И вина лежитъ не на совѣсти писателей. Сама по себѣ литература не при чемъ. Мы видѣли, что она лишена главнѣйшей возбуждательной силы, она не создаетъ «блестящихъ натуръ», у нея нѣтъ, слѣдовательно, исконнаго средства — сосредоточивать интересъ публики на художественныхъ явленіяхъ, поддерживать у нея чувство уваженія къ этимъ явленіямъ, къ ихъ смыслу и практическому вліянію. Но откуда литературѣ взять эти «блестящія натуры?»

Великій художникъ не видѣлъ ихъ въ дѣйствительности. Онъ указывалъ на поколѣніе людей *исключительно полезныхъ*, скромныхъ, неоригинальных, безцвѣтныхъ, даже не особенно талантливыхъ тружениковъ. Но это еще было бы хорошо. Такіе люди не порываютъ своихъ связей съ общими вопросами. На нихъ не перестаетъ дѣйствовать *идея*. Общественная жизнь, вопросы, выходящіе за предѣлы будничной житейской борьбы, сохраняютъ для нихъ весь свой смыслъ. На самомъ дѣлѣ оказалось несравненно хуже...

Пришли люди, о какихъ и не думалъ Тургеневъ. Выросло поколѣніе — вялое, невѣрующее, худосочное органически и нравственно, — поколѣніе, исполненное эгоизма и равнодушія, зараженное проніей едва ли не съ первой минуты сознанія.

Среди современныхъ писателей этотъ вопросъ не пользуется большимъ вниманіемъ. Литература переполнена обычными романтическими героями, возможными во всякое время. Влюбляться, жениться, измѣнять — все это акты менѣе всего характеризующіе личность. Все зависитъ отъ вѣншихъ условій и сдѣленія случайностей. Можно прочесть десятки такихъ исторій и не составить даже приблизительнаго представленія о людяхъ, какъ продукты извѣстнаго времени, извѣстной эпохи.

Но одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ стремится идти другимъ путемъ, не повторять романтическихъ шаблоновъ, хочетъ проникнуть въ душу современнаго человѣка независимо отъ случайныхъ интригъ. Авторъ хочетъ дать характеристику нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. Другой вопросъ, — справедлива ли эта характеристика и точны ли авторскія наблюденія. Одно несомнѣнно, — вопросъ поставленъ на опредѣленную и въ высшей степени любопытную почву, при томъ въ современной литературѣ — совершенно оригинальную. Наблюденія, кромѣ того, слагаются въ образы, — живые, типичные, свидѣтельствующіе о несомнѣнной психологической и художественной талантливости автора.

Насколько авторскія представленія правдивы, мы можемъ рѣшить съ самаго начала, по крайней мѣрѣ — намѣтить рѣшеніе. Герои, создаваемые авторомъ, такого свойства, что рядомъ съ ними становится совершенно понятнымъ положеніе современной литературы въ обществѣ, отсутствіе въ ней могучихъ захватывающихъ мотивовъ, ея полное практическое безсиліе. Въ извѣстной средѣ нынѣ явленія и немислимы.

Писатель, затрогивающій общій вопросъ о переживаемомъ времени и современныхъ людяхъ — г. Чеховъ. Онъ давно приобрѣлъ репутацію литератора, совершенно равнодушнаго къ какимъ-либо идеямъ, своего рода чистаго художника, непосредственно и безцѣльно сообщающаго публикѣ плоды своихъ наблюденій. Такъ, можетъ быть, думаютъ объ авторѣ и до сихъ поръ. Последнія произведенія г. Чехова идутъ безусловно наперекоръ такому представленію объ его талантѣ. Именно здѣсь подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія, именно здѣсь съ полной ясностью — сказалось стремленіе литературы отдать отчетъ въ знаменіяхъ времени!

Происходитъ это даже съ извѣстной тенденціей. Авторъ будто торопится высказать свой личный взглядъ, представить читателямъ общіе

выводы. Герои нерѣдко разсуждаютъ, очевидно, за счетъ автора, — и такіа разсужденія подчасъ настоящія публицистическія рѣчи. Можно даже указать пробѣлы въ фактическихъ доказательствахъ, подмѣтить извѣстную стремительность въ обобщеніяхъ.

Одинъ изъ разсказовъ оканчивается такимъ заявленіемъ: «Нашему поколѣнію — крышка. Съ этимъ мириться надо». Это говоритъ человѣкъ, принадлежащій къ этому самому поколѣнію. Другой представитель того же поколѣнія съ такой же откровенностью клеймитъ свой первый вѣкъ, обзываетъ себя жалкимъ невращенникомъ.

И здѣсь, очевидно, участь та же: медленное истощеніе организма, вымирание вида, не способнаго къ борьбѣ за существованіе.

Въ третьемъ разсказѣ — на сценѣ все тотъ же неудачникъ, даже два, и оба осуждены на тягучую, безцвѣтную, прозябательную жизнь — и одинокую заброшенную смерть.

Развѣ это не тенденція? Мѣняются — и то слегка — характеры, въ сущности только подробности всякій разъ другія, другая обстановка, — общій смыслъ неизмѣнно одинъ и тотъ же.

На современной сценѣ дѣйствуютъ невращенники, особи худосочныя, немощныя, безпомощныя, осужденныя на неизбѣжное вымирание. Авторъ обнаруживаетъ очевидное пристрастіе къ больнымъ героямъ. Болѣзнь эта иногда въ скрытомъ состояніи, иногда проявляется наружу, въ формѣ физическаго или душевнаго недуга.

Очевидно, вопросъ только времени и случая — недугъ проявится непременно: онъ живетъ въ натурѣ современныхъ людей, повидимому, рождается вмѣстѣ съ ними — и сводитъ ихъ въ преждевременную могилу.

Недуги проявляются различными симптомами. Описаны они у автора съ большою тонкостью. Больные люди, кажется, стоятъ у насъ передъ глазами и мы ощущаемъ даже затхлый больничный воздухъ.

Любопытна одна черта у этихъ больныхъ: всѣ они отлично сознаютъ свое положеніе. Каждый изъ нихъ когда угодно можетъ опредѣлить свой недугъ и высказать при этомъ чувство презрѣнія къ себѣ и своимъ современникамъ, раздѣляющимъ одинаковую съ нимъ участь. Даже душевно больной знаетъ о своей болѣзни и разсуждаетъ о ней съ искусствомъ и проницательностью настоящаго, въ высшей степени вдумчиваго, психолога. Анализъ достигаетъ у этихъ людей высочайшей степени развитія. Можно сказать, у нихъ на каждый день приходится по гамлетовскому монологу.

Это — фактъ во всѣхъ отношеніяхъ интересный. Обыкновенно, нравственно-недужные люди не сознаютъ своихъ изъязвленій, — напротивъ,

способны любоваться ими, какъ украшеніемъ. Возьмите какое угодно преданіе нашей литературы и общественной жизни: вы увидите *безсознательность* душевнаго уродства, нравственнаго недомоганія.

Когда, напримѣръ, москвичи щеголяли въ гарольдовыхъ плащахъ, и производили на всѣхъ людей здоровыхъ несомнѣнно жалкое и комическое впечатлѣніе, — сами они переживали истинный праздникъ и, не отрывая глазъ, любовались на свою особу.

Дальше. Рудины сыпали блестящими рѣчами, волновали чужую кровь, — а сами не жертвовали при этомъ ни однимъ атомомъ своего организма, — развѣ они сознавали неестественность, ложь этого явленія? Напротивъ. Самолюбованіе и здѣсь было главнѣйшимъ условіемъ словесныхъ подвиговъ.

И такъ безъ конца. Даже Базаровъ, повидимому, фанатически преслѣдующій критическимъ взглядомъ всякое явленіе личной и чужой жизни, слишкомъ часто оказывается жертвой стихійныхъ порывовъ. Всеразлагающій анализъ вдругъ умолкаетъ. Отрицаніе сразу опускаетъ свои крылья, — и герой, будто застигнутый върасплохъ, находитъ единственный исходъ — негодованіе на самого себя, на случай, вызвавшій искушеніе. Все это факты душевной жизни, не имѣющіе ничего общаго съ критикой, съ самопознаніемъ, съ психологіей.

Совершенно иного характера современный герой. Этому герою, повидимому, доставляетъ особенное удовольствіе — самобичеваніе. Онъ знаетъ исторію своей духовной жизни, знаетъ настоящее состояніе своего нравственнаго міра, — и то и другое рисуетъ въ крайне безнадежныхъ чертахъ. Но для героя это безразлично. Какъ это ни странно, но фактъ несомнѣнный: тѣмъ больше у героя основаній унижать себя, тѣмъ на душѣ у него спокойнѣе. Будто онъ всю жизнь затѣмъ и живетъ, чтобы въ результатѣ собственноручно подписать свой смертный приговоръ.

Одинъ изъ этихъ господъ представляетъ такую исповѣдь другому господину, вздумавшему напугать его правдой объ его жизни и характерѣ.

— Да, моя жизнь ненормальна, испорчена, — говоритъ герой, — не годится ни къ чорту, а начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость.

Немедленно за этимъ признаніемъ готово и оправданіе. Герой увѣренъ, что онъ только одинъ изъ многихъ. Эта мысль для него истинное утѣшеніе. Мало этого, герою кажется, что вся негодность его и людей ему подобныхъ нѣчто весьма полезное, во всякомъ случаѣ безусловно необходимое.

Онъ разсуждаетъ: «мы ослабли, опустились, пали, наконецъ, наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ невращенниковъ и пытиковъ, мы

только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины безумія общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго,—другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано и все необходимо. А если такъ, то чего же намъ особенно беспокоиться и бить себя по персямъ?»

Откровеннѣе трудно уничтожить самого себя и еще труднѣе отыскать болѣе прочное утѣшеніе: я нигде негоденъ нравственно, я тщедушенъ и слабъ, но такъ угодно судьбѣ. А фатализмъ можетъ оправдать рѣшительно всякое извращеніе и помирить со всякимъ уродствомъ въ личной и общественной жизни.

Это говоритъ важный чиновникъ, совершенно установившійся, вполне организованный тунеядецъ, недоступный никакимъ вѣншиимъ вліяніемъ и сросшійся окончательно съ той плѣсенью, которую онъ считаетъ священной необходимостью своего существованія.

Другой герой — молодой человѣкъ, съ неулегшимися волненіями, даже съ нѣкоторыми порывами, одаренный безпокойной, вѣчно, хотя и безъ всякаго результата, мятущейся мыслью. Въ минуты раздумья онъ также подвергаетъ себя и свою жизнь беспощадной критикѣ.

Въ своемъ прошломъ онъ видитъ только порокъ. Обманъ заклеилъ годы его ученія и практической дѣятельности. Въ университетѣ онъ учился дурно и забылъ, чему его учили. На службѣ ничего не дѣлалъ, жалованіе получалъ даромъ. Службу свою онъ называетъ прямо гнуснымъ казнокрадствомъ, за которое не отдають подъ судъ.

Герой ясно видитъ всю мелочность, весь эгоизмъ своего тунеяднаго существованія. Онъ, совершая свой жизненный путь, будто чужой среди людей, будто «нанятый съ другой планеты». Въ общей жизни людей онъ не принималъ никакого участія, хранилъ полное равнодушіе къ ихъ страданіямъ, идеямъ, знаніямъ, стремленіямъ. Людямъ онъ не оказалъ ни малѣйшей услуги, а просто ѣлъ ихъ хлѣбъ, пилъ ихъ вино, увозилъ ихъ женъ и заимствовалъ отъ нихъ разныя теоріи, оправдывающія его паразитную жизнь...

Это настоящій сказочный «сонъ подъ новымъ годъ». Такъ все это вѣрно и въ то же время удручающе безнадежно. Вѣдь послѣ этого жить нельзя. Разъ человѣкъ пришелъ къ выводу, отрицающему всякій смыслъ у прошлаго и на-

стоящаго и не оставляющему ни малѣйшей надежды на лучшее будущее, — единственный исходъ — смерть, или радикальная перемѣна всего жизненнаго строя.

Такъ кажется съ точки зрѣнія совѣсти и здраваго смысла. Но мы уже видѣли лазейку, спасающую современнаго героя отъ рѣшительнаго шага. Это — фатализмъ и глубокое убѣжденіе, что самъ герой не болѣе какъ жертва стихійнаго повѣтрія, заразившаго цѣлую эпоху.

«Нашъ нервный вѣкъ — ничего не подѣлаешь». Вѣдь это то же самое: «нашему поколѣнію — крышка. Съ этимъ мириться нужно». У молодого героя есть даже особое соображеніе: «Мы, дворяне, вырождаемся»... А разъ признанъ фактъ повальнаго вырожденія, — развѣ виновата отдѣльная личность? Не виноватъ же ребенокъ, унаслѣдовавшій отъ своихъ родителей чахотку, худосочіе или душевное расстройство. Это — несчастье, а не вина, здѣсь мѣсто не осужденію, а состраданію.

Именно это чувство возбуждаютъ современные герои во всѣхъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ положеніяхъ жизни. Они сами, немощные и слабые, чувствуютъ глубокое смущеніе предъ проявленіемъ силы, страсти, здороваго организма. Они отступаютъ въ такихъ случаяхъ, подавленные паническимъ ужасомъ. Это — дѣйствительно жалкое зрѣлище.

Особенно интересный эпизодъ происходитъ съ важнымъ чиновникомъ. Этотъ господинъ противъ всѣхъ идей вооруженъ неистощимой ироніей. Онъ много читаетъ, но дѣлаетъ это будто изъ снисхожденія къ бѣдной литературѣ. О чемъ бы въ книгѣ ни говорилось, у героя одно впечатлѣніе: презрительный смѣхъ надъ авторомъ и надъ тѣмъ, что онъ силится доказать. Все герой знаетъ заранее. «Всѣ идеи, малыя и великія, мнѣ хорошо извѣстны», говоритъ онъ и находитъ, что все это гораздо ниже той жизни, которую онъ самъ называетъ ненормальной, ни къ чорту не годной. Да, именно такъ онъ выражается и точно выполняетъ эту программу. Въ службу онъ не вѣрится, портфель съ бумагами вызываетъ у него такую же ироническую улыбку, какъ и литературныя произведенія. Но онъ продолжаетъ служить и читать.

«Я пустой, ничтожный, падшій человѣкъ», — сознается одинъ изъ этихъ господъ. Другой заявляетъ влюбленной въ него женщинѣ: «вы воображаете, что я герой и что у меня какіе то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку то вышло, что я самый заурядный чиновникъ, картежникъ и не имѣю пристрастія ни къ какимъ идеямъ. По убѣжденіямъ и по натурѣ я обыкновенный чинодралъ, служака, щедринскій герой»...

Трудно вѣрится, чтобы человѣкъ съ такимъ упорствомъ развѣчивалъ самого себя и въ гла-

захъ кого же—влюбленной и въ извѣстномъ смыслѣ любимой женщины. Такъ естественно, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ ради чувства любви, старается казаться лучше, красивѣе, увлекательнѣе. Для современнаго героя не существуетъ и этого закона. Онъ будто гордится, что онъ слишкомъ баналенъ и ничтоженъ, бравируетъ надеждами, какія на него возлагаютъ ослѣпленная, увлеченная имъ женщина. «Я—не герой! Я не блестящая натура»,—это говорится въ настоящее время совершенно съ такимъ же самоуслаженіемъ, съ какимъ во время оно герой бросалъ вызовъ цѣлому свѣту и окружалъ себя ореоломъ таинственной непобѣдимой силы.

Полное отсутствіе героизма новые люди доказываютъ и на дѣлѣ. Сколько страха и смятенія переживаетъ одинъ изъ нихъ, видя предъ собой стремительные порывы женской страсти! Это такой мучительный диссонансъ въ его паразитномъ существованіи! Онъ совершенно теряетъ почву подъ ногами, позорно бѣжитъ,—и только съ пріятелями, такими же пошляками, какъ онъ самъ, отводитъ душу. Интересно, какъ это дѣлается.

Герой во всемъ обвиняетъ Тургенева. По его мнѣнію, этотъ писатель изображалъ всевозможныхъ героев и героинь и вскружилъ головы женщинамъ. Въ результатѣ читательницы тургеневскихъ романовъ стали требовать героизма отъ всякаго, кто будетъ имѣть несчастье влюбиться въ любовь. Это крайне неудобно. Гораздо спокойнѣе посѣщать женщину, когда она прекрасно настроена и самъ кавалеръ здоровъ и веселъ, ласкать и отдаваться ласкамъ, не примѣшивая къ этому никакихъ идей, а просто исправляя житейскую потребность, такую же обыкновенную и будничную, какъ, напримѣръ, обѣды, сонъ, писаніе канцелярскихъ бумагъ.

«Тургеневъ писалъ, а я вотъ теперь за него кашу расхлебывай», жалуется прижатый къ стѣнѣ современный не-герой. Жалоба—характерная. Этотъ человѣкъ инстинктивно чувствуетъ, откуда надвигается опасность. Писатель, обладающій волшебной силой управлять нравственнымъ міромъ своихъ читателей, писатель, поднимающій новыя идеи и чувства въ груди всѣхъ, кому дано чувствовать и думать,—это съ одной стороны. Съ другой—послѣдніе обломки когда-то страстно отзывчивой публики, глубоко почитающей своего любимаго писателя, готовой проникнуться каждымъ его словомъ... Можетъ-быть, въ данномъ случаѣ Тургеневъ не при чемъ, героиня дѣлаетъ рѣшительный шагъ, покидаетъ ненавистнаго мужа, ради любимаго, хотя и чужого человѣка, независимо отъ какихъ бы то ни было книгъ. И у Тургенева, дѣйствительно, трудно вычитать нравственное оправданіе подобнымъ предпріятіямъ. Но дѣло не въ этомъ. Современному

мужу немощному коптителю неба—все сильное, страстное, идейное невольно грезится въ недалекомъ прошломъ, въ творчествѣ писателя, воплотившаго въ своихъ произведеніяхъ нѣныя поколѣнія.

Это непреодолимая вражда пресмыкающагося, безобразнаго, слабаго ко всему прекрасному, благородному, органически-мощному.

У современнаго человѣка есть своя философія. Это также основная черта въ характерѣ этихъ господъ. Они твердо стоятъ на теоретической почвѣ. Ихъ міросозерцаніе обосновано и доказано. Одни изъ нихъ ищутъ основъ и доказательствъ въ книгахъ, въ чужихъ рукахъ. «Я долженъ обобщать каждый свой поступокъ, я долженъ находить объясненіе въ оправданіе своей нелѣпой жизни въ чьихъ-нибудь теоріяхъ, въ литературныхъ типахъ».—Такъ разсуждаетъ одинъ.

Другой, болѣе взрослый и смѣлый, предлагаетъ теорію отъ себя. «Я не тургеневскій герой», говоритъ онъ,—«если мнѣ когда-нибудь понадобится освободить Болгарію, то я не понуждаюсь въ дамскомъ обществѣ».

Вы не обращайтесь особеннаго вниманія на послѣднюю, повидимому, особенно злоую фразу. Дѣло въ томъ, что современный герой «не понуждается въ дамскомъ обществѣ» вообще для какой бы то ни было идейной, общественной дѣятельности. По очень простой причинѣ: для него женщина дѣйствительно не человѣкъ: признать за ней право на человѣческую роль—значитъ создать для себя бездну безпокойства.

Герой продолжаетъ: «на любовь я прежде всего смотрю, какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не стѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застаю ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ. И намъ обыкновенно всякій разъ удается обмануть друг друга настолько, что мы расходимся въ самомъ радужномъ, даже поэтическомъ настроеніи».

Здѣсь есть одно слово насчетъ духа. Пожалуй, съ перваго взгляда можно подумать, что современный герой преслѣдуетъ какія-то необыкновенно возвышенныя идеальныя цѣли, несомнѣныя съ любовнымъ увлеченіемъ, что онъ нѣчто въ родѣ шиллеровскаго маркиза Позы, не допускавшаго личныхъ сердечныхъ при-

вязанностей рядомъ съ неустанными заботами о вселенной...

Но нечего и говорить, до какой степени въ данномъ случаѣ неумѣстно подозрѣвать какіе бы то ни было идеалы и стремленія. Герой просто хочетъ набросить красивое покрывало на свой цинизмъ и развратъ.

Въ другомъ случаѣ онъ выражается вполне откровенно, хотя не менѣе лицемерно. «Что же касается любви», говоритъ юный господинъ въ новѣйшемъ стилѣ, «то я долженъ тебѣ сказать, что жить съ женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край свѣта, такъ же неинтересно, какъ съ любой Анфисой или Акулиной. Также пахнетъ утюгомъ, пудрой и лѣкарствами, тѣ же напильники каждое утро и тотъ же самообманъ!»

«Я не могу хотѣть мѣдныхъ кастрюль и нечесанной головы», — немедленно присоединяетъ свой голосъ другой любитель изящныхъ наслаждений.

«Женщинѣ прежде всего нужна спальня», — продолжаетъ первый, — и онъ глубоко убѣжденъ, что женщинѣ трудно разстаться съ нимъ только потому, что у нея извѣстнаго сорта темпераментъ.

Въ такомъ смыслѣ рѣшены всѣ вопросы. Вдумайтесь въ эти рѣшенія — и вамъ съ совершенно безпристрастной точки зрѣнія представится больной, сидящій на гноищѣ и до такой степени отупѣвшій и сжившійся съ міазмами, что малѣйшій намекъ на свѣжій воздухъ, на иное существованіе — является для него личнымъ оскорбленіемъ.

А между тѣмъ, авторъ беретъ типы изъ круга безусловно интеллигентнаго. Эти люди много знаютъ и превосходно разсуждаютъ. Они даже проявляютъ признаки высшей человѣческой мудрости — они *знаютъ самихъ себя*. Вообще, глупыхъ и наивныхъ вещей они не говорятъ. Въ обществѣ они должны производить впечатлѣніе людей необыкновенно почтенныхъ, даже импонирующихъ. Съ ними невозможны комическія приключенія, выпадавшія на долю прежнихъ героевъ: пережить романъ Базарова и безсильное негодованіе на свою юношескую ошибку — для этихъ господъ немислимо. Они если и ошибаются, то слегка, ровно настолько, чтобы загладить грѣхъ пропой и остроумнымъ словомъ.

Таковы герои, выдаваемые современнымъ писателемъ за представителей нынѣшняго поколѣнія.

Болѣе поль-вѣка тому назадъ поэтъ негодовалъ на своихъ современниковъ. Но что значитъ это негодованіе предъ тѣми чувствами, какія вызвали бы у поэта охарактеризованные нами образы!

Поэтъ негодовалъ на свое поколѣніе за то, что въ наше время слѣдовало бы считать прямо

заслугами. Онъ говорилъ о бремени сомнѣнія, создающаго преждевременныхъ стариковъ, о затаенныхъ надеждахъ и подавленномъ голосѣ страстей, о стремленіи сберечь въ груди остатокъ чувства, даже объ огнѣ, кипящемъ въ крови...

Вдумайтесь въ эти обвиненія и сопоставьте съ ними нравственный міръ современнаго героя — вы не найдете словъ выразить свое отчаяніе, если только вамъ доступны тѣ же чувства, какія вызвали *Думу* поэта.

Сомнѣнія!... Какое счастье изнемогать подъ бременемъ сомнѣній — не для самихъ сомнѣвающихъ, а для общества, для времени. Въдѣ сомнѣнія — краснорѣчивѣйшее свидѣтельство о неустанной работѣ мысли, о неумирающемъ стремленіи чело-вѣка къ извѣстнымъ идеаламъ, объ его недовольствѣ окружающей дѣйствительностью и жаждѣ болѣе совершеннаго будущаго. Сомнѣваться — это *жить* въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Кто сомнѣвается, тотъ совершенствуется и совершенствуетъ другихъ.

Современные герои ни въ чемъ не сомнѣваются. Имъ просто смѣшны всевозможные вопросы. Вы видѣли — прощическая улыбка не сходитъ съ лица героя — за что бы онъ ни брался, о чемъ бы онъ ни думалъ. Онъ прямо убѣжденъ, что ему всѣ идеи — и большія и малыя — извѣстны. Чего же онъ еще будетъ возиться съ ними?

Дальше нѣтъ пужды и сравнивать. О какомъ чувствѣ, о какомъ голосѣ страстей можетъ быть рѣчь? Когда все это, обнаруживаемое другими, повергаетъ въ безпомощный страхъ новаго чело-вѣка и заставляетъ его отступать, какъ предъ нашествіемъ какой-то дикой, опасной силы?

Старое поколѣніе, возмущавшее поэта, должно было еще дожидаться чужого суда, горькой насмѣшки потомства. Современные герои и здѣсь ушли гораздо дальше: они сами себя изрекли смертный приговоръ, сами себя осмѣяли, показали едва вѣроятную способность — жить спокойно и счастливо, питая глубочайшее презрѣніе къ своимъ личностямъ и своему существованію.

Не сгустилъ ли авторъ краски? Не представилъ ли онъ вмѣсто живыхъ людей — отвлеченную формулу всевозможныхъ нравственныхъ уродствъ и немощей?

Нѣтъ, этого не чувствуешь, когда читаешь его рассказы. Напротивъ, герои поражаютъ жизненной правдой своихъ фигуръ, они безусловно реальны, они до мельчайшихъ подробностей остаются въ вашей памяти. Образы, очевидно, имѣютъ своихъ прототиповъ въ дѣйствительности. Публика лучше всего доказала этотъ фактъ своимъ интересомъ къ новѣйшимъ произведеніямъ г. Чехова. Всякая выдумка, все мерт-

вое и искусственное не приобретает широкой популярности. Его можно сколько угодно раздувать, лелѣять—это останется прихотью отдѣльных поклонников: публика пройдет мимо—равнодушная и безучастная. Судьба произведений, характеризующихъ, по замыслу автора, «наше поколѣние»—совершенно другая, и здѣсь заключается одновременно приговоръ и надъ самими произведеніями, и надъ ихъ темами и героями.

Рядомъ съ описанными героями современная литература знаетъ дѣятелей другого склада,—людей здоровыхъ, полезныхъ, даже, можетъ быть, убѣжденных и стремящихся. Но все это нисколько не характерно для нашего времени. Подобные герои—виѣ времени и пространства, всегда и всюду они возможны. Это—толпа, а не герои,—толпа въ сущности безличная и шаблонная. Рядомъ съ ней—мы видѣли—всякая эпоха выдвигаетъ *особенныхъ* личностей, отмѣченныхъ оригинальными чертами, возможными только въ извѣстный періодъ общественной и культурной жизни. Эти черты не встрѣчались раньше, не повторятся и позже. По этимъ чертамъ историкъ впоследствии разгадываетъ тайны минувшаго, о какихъ не въ состояніи рассказать ему достовѣрнѣйшіе историческіе документы и памятники.

«Наше поколѣніе воплощенію состоитъ изъ невращенниковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи». Это искреннее заявленіе современнаго человѣка дойдетъ до отдаленнаго потомства и останется въ его глазахъ краснорѣчивѣйшимъ знаменемъ времени. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ—своего рода культурно-историческое откровеніе. Весь эффектъ заключается въ томъ, что поколѣніе съ такимъ безпристрастіемъ и ясностью само свидѣлствуетъ о себѣ.

Въ этомъ заключаются результаты нравственнаго и умственнаго наслѣдства, полученнаго отъ предковъ.

Эпоха всевозможныхъ романтическихъ иллюзий миновала. Взглядъ у новаго человѣка необыкновенно ясенъ и объективенъ. Этотъ человѣкъ уже неспособенъ впасть въ грубое заблужденіе насчетъ себя и другихъ. Въ теченіе десятилѣтій онъ научился понимать, что скрывается въ глубинѣ личныхъ и общественныхъ явленій. Недаромъ онъ пережилъ эпоху расцвѣта опытныхъ знаній и познакомился съ научными приемами, помогающими искусному изслѣдователю разъяснять душевную жизнь съ такою же увѣренностью и строгостью наблюденій и выводовъ, съ какою анатомируютъ любой организмъ. Анализъ достигъ высшей степени развитія,—и онъ ежеминутно готовъ развернуть свою уничтожающую власть, лишь только человѣку грозитъ опасность поддаться какому-нибудь «неосновательному» впечатлѣнію,

богатому всякими «безпокойными» послѣдствіями.

Анализъ—умственная сила—вступилъ въ союзъ съ извѣстнымъ нравственнымъ настроеніемъ и въ этомъ союзѣ весь вопросъ. Анализъ можетъ совершать свое дѣло подъ вліяніемъ двухъ различныхъ стремленій—или съ цѣлью найти истину, предметъ вѣры, или съ совершенно противоположной—убѣдиться въ невозможности какой бы то ни было идеи, достояній вѣры. Въ прежнее время люди шли первымъ путемъ. Самые горячіе отрицатели, вроде Базарова, непременно въ результатѣ искали предмета вѣры,—все равно, гдѣ бы онъ ни оказался. Базаровы были убѣждены, что такіе предметы отыскиваются только изученіемъ природы, естественными науками. Это—безразлично. Важно настроеніе, одушевляющее умственную работу. Оно отражается на всемъ человѣкѣ и на всей его жизни.

Посмотрите, какое непреодолимое сознаніе личной силы проникаетъ этихъ людей! А въ чемъ таится это сознаніе? Въ твердомъ, хотя и невысказанномъ убѣжденіи, что есть нѣчто, за что стоитъ бороться, ради чего стоитъ работать и во что можно вѣрить. Человѣкъ можетъ искренно и благородно уважать самого себя только при одномъ условіи,—когда онъ знаетъ смыслъ своей жизни, уважаетъ цѣль своей дѣятельности, а главное, когда убѣжденъ, что эта цѣль настолько ясна и дѣйствительна, что и другіе могутъ понять и оцѣнить ея значеніе. А это возможно только, когда въ этой цѣли заключена *вѣра* человѣка, когда она для него символъ и руководящая истина.

Здѣсь анализъ—сила положительная, нравственная, культурная. Онъ придаетъ человѣку особенный ореолъ власти, мы видимъ героя въ полномъ смыслѣ слова, предъ нами встаетъ бессмертный образъ мужественнаго борца, годами сомнѣній, годами анализа завоевавшего право заявить о своей вѣрѣ, не смотря ни на какую опасность: «А все-таки она вертится»!...

Теперь представьте другой фактъ. Человѣкъ неустанно разбираетъ свою и чужую жизнь. Всякое личное впечатлѣніе, чужая рѣчь вызываютъ у него процессъ критики. Но къ какой цѣли направленъ этотъ процессъ?

Вы помните одну изъ эффектиѣйшихъ сценъ въ драмѣ *Уриэль Акоста*? Юный изслѣдователь является предъ защитниками вѣковыхъ преданій во всеоружіи критики, отрицанія,—но онъ критикуетъ и отрицаетъ, затѣмъ чтобы *утвердить* новые идеалы, убѣдить людей въ *положительномъ*, но только другомъ, чѣмъ изъ положительное. Какъ же встрѣчаютъ это стремленіе представители старины? Одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ повторяетъ весьма характерную фразу: «все это было»,—и раскла-

зываетъ даже давнюю исторію одного изъ критиковъ и отрицателей.

Эти слова: «все это было», т.-е. ничего не можетъ быть новаго — страшныя слова. Въ нихъ хранится тлетворное дыханіе нравственной и умственной смерти, они освящаютъ косность и застои, подъ ихъ защитой можетъ царствовать какое угодно зло и насиліе — только потому, что оно освящено временемъ. Въ этихъ словахъ заключается гораздо больше отрицанія, скептицизма, чѣмъ въ самыхъ страстныхъ выходкахъ Уріэля. Въ этихъ словахъ есть еще одно, чего нѣтъ въ отрицанійхъ юноши: невѣріе въ человѣческія силы, презрѣніе къ человѣческимъ стремленіямъ, насмѣшки надъ человѣческими идеалами.

«Ничего нѣтъ и не будетъ новаго подъ солнцемъ» — рѣчь, возможная только у человѣка нравственно-немоцнаго, извѣрившагося въ себѣ и во всѣхъ людяхъ. Если эта рѣчь становится общимъ голосомъ — значитъ наступила эпоха душевныхъ недуговъ, равнодушія, умственного мрака.

Припомните, — современный герой говоритъ въ сущности то же самое, увѣряя, что всѣ идеи ему отлично знакомы и онъ этимъ идеямъ предпочитаетъ существованіе «ни къ чорту негодное», но за то спокойное, совершенно установившееся.

Эти люди забываютъ, что вѣдь и само солнце не новость и ничего нѣтъ старше и обыкновеннѣе дневного свѣта, смѣны времени года и всевозможныхъ людскихъ радостей и людского счастья. А между тѣмъ — за все это судорожно хватаются ненавистники идей: имъ дорого каждый день и малѣйшее сокращеніе жизни привело бы ихъ въ ужасъ. Идеи, по крайней мѣрѣ, обладаютъ однимъ свойствомъ, выгоднымъ даже для нашихъ скептиковъ: онѣ часто забываются, сходятъ со сцены и черезъ извѣстный промежутокъ времени могутъ показаться новостью. О жизни — въ томъ видѣ, въ какомъ ею пользуются современные герои, этого отнюдь нельзя сказать. Почему же имъ такъ дороги ихъ будни, какъ двѣ капли воды похожія другъ на друга, и ненавистны идеи?

Потому что — жизнь дѣло инерціи, а идеи — вопросъ самостоятельности и — главное — способности вѣрить и стремиться. Анализъ современнаго человѣка совершается не съ цѣлью *отыскать, приобрьсти*, а съ цѣлью *утратить, забыть*. Онъ систематически усиливается — всякій предметъ подвести подъ одну рубрику: старое, знакомое. Онъ приступаетъ къ идеѣ съ готовымъ предубѣжденіемъ, — и, несомнѣнно, при помощи одной мысли, безъ участія нравственной силы, легко и быстро развѣнчиваетъ все что угодно. Мы видѣли, что одинъ изъ описанныхъ выше героевъ принимается за всякое дѣло, за чтеніе, за служебныя занятія —

съ иронической улыбкой. Это — превосходное оружіе противъ всевозможныхъ искушеній — увлеченія, заинтересованія, задуманія.

Эта иронія свидѣтельствуетъ о безсиліи человѣка, затаенной трусости, стремленіи замкнуться въ свой маленькій эгоистическій мірокъ и оградить себя отъ необходимости воспринимать впечатлѣнія и разбираться въ нихъ. Скептицизмъ, не одушевленный жаждой истины, новыхъ идеаловъ, смертельная душевная болѣзнь. Ничто до такой степени не принижаетъ человѣка, какъ этотъ недугъ, ничто не дѣлаетъ его такимъ мелкимъ, безпомощнымъ, часто презрѣннымъ.

Всѣ эти черты мы находимъ у современнаго героя. Откуда онѣ, — что опустошило его душу, какія силы, какія явленія вѣшной жизни вытравили въ ней вѣру въ человѣка и его лучшія задачи — вопросы, не подлежащіе разрѣшенію въ данную минуту. Мы хотѣли только описать явленіе и указать на его роль въ современной литературѣ.

И то и другое намъ ясно.

Несомнѣнно, само современное общество дало писателю извѣстные мотивы, представило ему извѣстные типы. Но въ этихъ мотивахъ и типахъ не можетъ быть и слѣда той изумительной идейной власти, какую обладали создатели русской литературы въ недавнее прошлое.

О новыхъ герояхъ читатели скажутъ: эти люди отъ нашей плоти и крови, — это будетъ грустное признаніе, оно станетъ еще грустнѣе оттого, что у читателей не окажется былой отзвучивости, ихъ сердца не забьются подъ наплывомъ захватывающихъ неизвѣданныхъ ощущеній, въ ихъ умахъ не возникнетъ рядъ идей, съ неотразимой властью требующихъ суда и отвѣта.

Что могутъ испытывать наши современники, когда предъ ними проходятъ новые герои? Талантливый авторъ умѣетъ заинтересовать разговоромъ, увлечь изыщной художественностью подробностей и жизненнымъ реализмомъ образовъ. Но сами эти образы — какое другое чувство могутъ вызвать у читателей, кромѣ душевнаго томленія, или въ лучшемъ случаѣ того равнодушія, о какомъ заявлялъ французскій поэтъ у гроба одного изъ подобныхъ героевъ:

Эта смерть для общества чужда:

Онъ свѣту не принесъ ни пользы ни вреда —
И мы безъ горести, безъ страха и волненія
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья.

Съ такимъ чувствомъ встрѣчаетъ публика плоды современнаго художественнаго творчества. Въ обществѣ нѣтъ былого страстнаго интереса къ литературѣ; времена, когда художественные образы, созданные авторомъ, волновали читателей — безъ различія умственного развитія и общественнаго положенія — миновали. На этотъ разъ у насъ полное право — присвоить

себѣ слова, обращенныя поэтомъ къ другому поколѣнію:

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.

Разница только въ одномъ. Когда поэтъ произнеслъ свою негодующую рѣчь, въ то самое время ему самому удалось вызвать «сладостный восторгъ» у своего поколѣнія. А потомъ эти восторги широкой волной въ теченіе десятилѣтій царили въ русскомъ обществѣ, вызываемые другими авторами, наследниками поэта. «Блестящія натуры» смѣняли одна другую...

Теперь, на мѣсто ихъ — «неврастенки», «нытики», скептики-эгоисты, одновременно — циничные и трусливые, но неизмѣнно удручающіе насъ немощами своего нравственнаго міра... Когда же ихъ смѣнятъ другіе люди и когда литература снова явится просвѣщающей и вдохновляющей общественной силой? А такая роль литературы нигдѣ такъ не цѣнна, нигдѣ такъ не желательна, какъ въ нашемъ отечествѣ, хранящемъ столько воспоминаній о писателяхъ-гражданахъ, о писателяхъ-наставникахъ.

Ив. Иваковъ.

К. Н. Рыбаковъ въ роли Обломова («Гусь лапчатый», др. П. А. Салова).